

Александр Галушкин

«Мне по пути с добычей...»

Поэт-«оригиналист» Альвэк

— это ФРАЗАРЬ, толпа крылатых слов".
Несколько большее представление об "оригинализме" дают поэтические тексты Альвэка.

Мне по пути с добычей...

Нежность на окраине,
Как дикий сад на Украине:
Он от яблонь в души той пене,
Он вот-вот задохнется от пенья!

Вот еще один пример — стихотворение "Хотел о весеннем":

— Руку мне позолоти! —
Ты говоришь, бросая песню на прилавок.
Но не от мира сего соловьи:
Их голос, как небо, подарок.

— От весны стих за версту! —
Этот крик — без зависти.
Я ветку темы обламываю
И говорю:

Прорвали у Волги бока
Привольные Кама,
Хмельная Ока.

Даже по этим строкам нетрудно заметить футуристическую ориентацию автора. И действительно, Велимира Хлебникова Альвэк чтит больше других поэтов (он организовывал вечера памяти Хлебникова и публикации его наследия и даже одного из своих сыновей назвал Велимиром). Тем интереснее, что на диспутах в 1920-е годы Альвэк неизменно выступает как оппонент московских футуристов. И в первую очередь — Маяковского. В своих неопубликованных воспоминаниях Альвэк писал:

"Я привез с Востока начало ненависти к Маяковскому. Там, в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, я защищался от восторженных аплодисментов, которые лились на него из уст дальневосточной футурии".

Если расценивать скандал как одну из форм литературной жизни, то Альвэка вполне можно признать мастером этой формы. После некоторых его выступлений дело доходило до рукоприкладства и вызывали милицию. Скандалил Альвэк по разному поводу (позднее он вспоминает, как на Первом всероссийском съезде пролетарских писателей бросил в зал: "Что вы ластитесь к пролетарской литературе? Она все равно вас угробит!"). Но

больше всего современникам запомнились его выступления против Маяковского и соратников поэта по "Лефу". Очевидно, для придания веса своим выступлениям, Альвэк объявлял себя главой группы "оригиналистов", но других членов этой группы мне установить не удалось.

Реакция на эти выступления последовала быстро и с неожиданной стороны. В мае 1924 года Альвэка исключают из Высшего литературно-художественного института как "идеологически чуждого" и "идейно неустойчивого". "Вы компрометируете Институт своими выступлениями" — сказал председатель комиссии по "чистке" высших учебных заведений.

Кажется, после этого события неприязнь Альвэка к бывшим футуристам только усилилась. В.Мордерер и Г.Амелин в "РМ" упоминают об участии Альвэка в полемике о судьбе рукописей Хлебникова (в 1926-1927 годах). Скандалные "разоблачения" П.Митурича и Альвэка не имели под собой оснований. Но результат был достигнут — хотя и не тот, к которому стремились "разоблачители". Не без влияния этих выступлений началась подготовка наиболее полного и на сегодня Собрания сочинений Хлебникова (под редакцией Юрия Тынянова и Николая Степанова).

Первый том этого уникального издания выходит в 1928 году. В том же году Альвэк подготавливает книгу своих сочинений, состоящую из трех частей: воспоминаний о встречах с писателями (В.Брюсов, Б.Пастернак, В.Шкловский, Ю.Тынянов, П.Митурич, М.Матюшин и др.), дополненного переиздания своей брошюры "Нахлебники Хлебникова" и стихов. Это похоже на подведение итогов; кажется, будто свою миссию Альвэк считает уже исчерпанной. Близился конец той литературной эпохи, которая началась в конце XIX века выступлениями символистов. А новое время требовало новых песен.

В книге о Франсуа Рабле и средневековой культуре Михаил Бахтин приводит пословицу: чтобы бочки с вином не взорвались, надо время от времени выпускать из них воздух. Вряд ли случайно, что именно в 1930-е годы формируется советская массовая культура и, в частности, расцветает массовая песня. К середине 1930-х годов стремительно растет количество производимых патефонов и

пластинок, джазовые оркестры становятся непременным атрибутом кинотеатров, ресторанов, парков культуры. Используя терминологию психологии, можно сказать, что советская песня того времени исполняла в обществе "иллюзорно-компенсаторскую функцию".

В это время для массовой песни начинают писать многие советские поэты, в том числе — и бывшие футуристы (к примеру, Семен Кирсанов). Но наиболее ждал Альвэка. С Альвэком охотно сотрудничали такие известные музыканты, как Александр Цфасман, Никита Богословский, Даниил Покрасс, Абрам Ашкенази, Зиновий Компанеев, Евгений Жарковский, Зиновий Дунаевский (брат Исаака Дунаевского). Огромной популярностью пользовались песни на слова Альвэка из репертуара оркестра Цфасмана — "В дальний путь" ("Дышит покоем...") и "Расставание" ("Утомленное солнце...").

Процесс, похоже, приобретал лавинообразный характер, а значит, контролировать его становилось труднее. В 1936 году — в год печально знаменитой дискуссии о "формализме и натурализме" в искусстве — в "Правде" обсуждается вопрос и о том, что нужнее пролетариату — "симфония или джаз". Конечно — не обошлось и без репертуарных и кадровых чисток. Исключают из группового комитета драматургов и Альвэка. Когда же он пытается опротестовать это решение, привлекается "тяжелая артиллерия" в лице Василия Ивановича Лебедева-Кумача. Автор слов к песне "Широка страна моя родная..." еще не стал тогда депутатом Верховного Совета, но уже всерьез претендовал на монополию в советской массовой песне.

Сохранился его отзыв о стихах Альвэка (апрель 1938 года):

"Песни" т.Альвека это неумный и малограмотный набор слов, который зачастую до сих пор поется различными джазами и джазинами (так! — А.Г.) под фокстроты, "блюзы" и танго заграничного и местного доморощенного производства. В текстах т.Альвека сквозит трехкопеечное эстетство и махровая безвкусица".

Особую неприязнь мэтра вызвало знаменитое танго "Утомленное солнце...":

"Какая пустота. Как все это чуждо и не нужно живым советским людям, на-

шей искренней и простой молодежи".

Отзыв заключался характерным выводом:

"Может быть, среди членов группкома драматургов и есть разного типа "Альвеки" — но новых Альвеков принимать, во всяком случае, не нужно, а от старых, случайно проникших, надо возможно скорее освободиться".

Считаю, что за отсутствием минимальной профессиональной грамотности и в виду убогости идейного содержания его произведений т.Альвек членом группкома быть не может.

Творчество его считаю пошлым, приспособленческим и портящим вкусы советских слушателей".

Мнение Лебедева-Кумача оказало роковое влияние на судьбу Альвэка. Альвэк пытается опротестовать этот отзыв, более похожий на приговор. В письмах, направленных в Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР и в Правление Союза писателей, Альвэк отстаивает жанр своих сочинений:

"Песенки такого жанра "больны" (в кавычках) надрывом, сентиментальностью, и ничего, потрясающего моральные основы социалистического общества в этом нет".

Он приводит отзывы крупнейших советских композиторов:

"Стихи Альвэка — вполне своеобразное произведение, без нарочитой литературной округленности; привлекательна полная искренность в неожиданной смене образов — какая бывает в народной поэзии" (Михаил Гнесин); "В них много свежих и оригинальных мыслей. Кроме того, они очень музыкальны и дают благодарный материал композитору" (Дмитрий Шостакович).

Но литературное начальство было неумолимо:

"Секретарь Драмсекции [Союза писателей. — А.Г.] тов.Писаренко сообщил мне, что секция намерена обратиться в Комитет по делам искусств с ходатайством о запрещении пластинок "Расставание" (танго это, дескать, развращает советскую молодежь).

Да и вообще, — заключил тов.Писаренко, — Драмсекция будет добиваться запрещения всех ваших... произведений, разрешенных Главреперткомом".

Результата не пришлось ждать долго — и три пластинки с текстами Альвэка (в том числе, и с "Утомленное солнце...") были сняты с производства.

Некоторым современникам была, очевидно, понятна цель развязанного "дела". Так, Виктор Шкловский, поставленный по распоряжению Николая Асеева во главе комиссии по Альвэку, писал 10 сентября 1939 году Валентину Катаеву:

"Материал я прочел, а кое-что знал раньше. Стихи, приложенные к заявлению, по-моему, слабы. Песни его не очень плохи, может быть, они даже выше среднего уровня эстрадного нашего искусства.

Драмсекция проявила к т.Альвэку строгость, для нее несколько неожиданную".

Это мнение легло позднее и в основу специального постановления Президиума Правления Союза писателей (январь 1940 года):

"Тов. Альвэк умеет писать так, что его поют. Это умение налагает на писателя обязательства очень хорошо писать. Президиум полагает, что после приема в Группком драматургов тов. Альвэк ближе соприкоснется с товарищами по работе и что новые произведения его удовлетворят того же Василия Ивановича".

Однако этот отзыв, насколько мне известно, не изменил судьбу подвергнувшегося опале Альвэка. Он пробует себя в разных жанрах, пытаясь приспособиться к меняющимся требованиям времени. Но безуспешно. Последнее написанное им произведение — пьеса "Гитлер" — в феврале 1943 года запрещается Главреперткомом.

Кажется, Альвэк разделил судьбу своего "жесткого романа". Точно не известно, когда и при каких обстоятельствах умер скандально известный поэт-"оригиналист" и автор танго "Утомленное солнце...". По устному свидетельству Виктора Шкловского автору этих строк, во время войны Альвэк покончил жизнь самоубийством, выбросившись в лестничный пролет знаменитого писательского дома в Лаврушинском переулке. Это произошло, очевидно, во второй половине 1943 года.